

ХІІІ Международный литературный Тютчевский конкурс «Мыслящий тростник»

Алексей ВИТАКОВ (Москва)

1 место в номинации «Философское стихотворение»

Кленовый лист

Преломилось средой неделя,
Отступила хандра — и вот
Я иду под осенним хмелем
Не вписавшийся в поворот.

Весь, как тонкий сосуд, стеклянный,
Только тронь — зазвенит нутро,
И нашарил в моем кармане
Ветер мелочи на метро.

Летит на грудь кленовый лист,
Качается туман,
И я на воздухе повис,
Как тютчевский фонтан.
Какое небо, милый Бог,
Ты мне нарисовал...
Кленовый лист летит на вдох,
Кленовый лист летит на вдох,
На выдохе пропал.

И кружат золотые птицы,
Осень, это глаза твои...
Ну давай же друг другу сниться,
Может, так мы себя продлим.

Собери же по букве стаю
И в подлунный отправь полет,
Как и ты, я благословляю
Не вписавшихся в поворот.

Виолончель грозы в начале мая

Виолончель грозы в начале мая.
Глаза у птиц в горячей позолоте.
И голова куда-то улетает,
Сорвав резьбу при резком повороте.

Тень тополя приклеилась к афише.
Гнездо грачей раскачивает бездну.
Влюблённые целуются на крыше,
Как облака, готовые исчезнуть.

Раскачивают горизонт качели.
На нитке птичий гомон держат дети.
И небеса висят виолончелью.
И Бог выходит из углов на ветер.

Держа смычок, и струнами деревья
Вздохнули, наклонясь над бездорожьем.
И ты глядишь в небесные кочевья.
И жалок дух. И музыки подножье.

Истину как-то простую

Истину как-то простую
Мне посоветовал май:
Если из вечности дует,
Форточку не закрывай.

Просто замри и не думай,
И ни о чём не тоскуй.
Ветер, летящий без шума,
Слушай и против не плюй.

Туч нависающих спелость.
Дождь по бульварным усам.
Выйдет луна, чтобы сделать
Кесарево небесам.

Звёзды, дорога и паперть.
Свет, загоняющий в дрожь.

То, что умом не охватишь,
Слухом и зреньем поймёшь.

День прожит и уже забыт

День прожит и уже забыт.
Сбивается погода с такта.
В четыре стороны глядит
Зимы московской катаракта.

Зима слепа, но ей назло,
Пройдя моря и реки сора,
Упало белое крыло
На клавиши из монитора.

Пиши, поэт, пока душа
К себе самой летит на свечке,
Пока ты лунку продышал
И видишь кровь на Чёрной речке

Пока Восток орех грызёт,
И дремлет Запад — кот учёный,
Пока в когтях тебя несёт
Над Лукоморьем Дуб зелёный.

Пиши, разматывая путь,
Кати клубок в иных просторах.
Слова помогут отомкнуть
Замок на клетке монитора.

И выйдет ангел-серафим -
Шесть крыльев из огня и света;
Он будет в точности таким,
Как на картинках интернета.

Пусть за окном кипит в тщете
Москва, похожая на улей.
У Чёрной речки в животе
Навек звезда застряла пулей.

Крепчает бриз. Бормочут волны

Крепчает бриз. Бормочут волны.

Луна на выдох от земли.

Поют ночные скалы, словно

Заманивают корабли.

Сорвавшись, катится без стука

Кусок породы в бездну тьмы.

И, глядя с палубы уступа,

Парим по звездной карте мы.

Так и бывает: ветер с ума сойдет,

Мельница неба звездную пыль завертит.

В транс погруженная, наша планета,

Будто танцующий дервиш, плывет.

Мир освещен лимонной долькой.

Величественно полотно.

Куда несет нас, знают только

Луна да белое вино.

Стихия — всех начал начало.

Вода летит и катит прочь.

Вслед за телами два бокала

Упали, выплеснувшись в ночь.

Виктория БЕЛЯЕВА (Ростовская область, поселок Темерницкий)

2 место в номинации «Философское стихотворение»

* * *

Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье...

Ф. И. Тютчев

Если я тебе буду сниться —
значит, здесь, на земле, февраль,
значит, черная колесница
объезжает мою печаль.
Значит, я еще белым снегом
отвечаю на слово «смерть».
Значит, мне еще не уехать —
Только в окна небес глядеть.

* * *

Здравствуй, Анна моя. Как там твои растения?
Сушишь ли мяту и розы или плетешь венки?
Я отмечаю и зиму, и день своего рождения.
Я посылаю в вечность написанные стихи.

Ты их читай вечерами под птичий закатный щебет,
А яблони так же снегом на той стороне цветут?
Здесь всё как прежде — влажность, ветра и щебень.
Люди воюют и молятся, молятся и живут.

Я по весне принесу тебе горный букет фиалок,
я для тебя испеку дрожжевой с курагой пирог.
И приглашу на обед поминальщиц-ворон и галок,
если не будет занят, солнцем заглянет Бог.

Ну а пока дожидайся, вяжи-ворожи метели,
тоже пиши хоть узорами хрупкими на окне.
Пухом родной земли тихий твой остров стелен.
И расцветает яблочный новорожденный снег.

* * *

Там музыка звучала, и могла
шить жизни золоченая игла —
за стежкой стежку медленно тянуть.
И длился, длился, длился бранный путь.
Там были голоса живых зверей.
Теперь остались в памяти моей
и в сердце — их касанье изнутри,
и дом стоит, и свет в окне горит.
И если ухо приложить к стене,
то музыка окажется во мне,
чтоб в пальцы взять хоть хлопковую нить —
руками радость временную шить.

* * *

На бережок, где Бог ходил босой,
упало солнце бежевой лисой.
Подземный сом речную синь тянул
и уносилась речь в его страну.

По камышам, по памяти стрекоз
шагал мой голос, маленький до слез.
И поднималась стайкой полоса -
переходила речка в небеса.

* * *

Может, ты существуешь повсюду и вне,
в чутком воздухе, в синей моей глубине.
Может, я существую в густой тишине
на бумажном носителе мысли твоей.

Я не знаю, кто первый наш мир изобрел -
сочинил запах липы и музыку пчёл,
долгий дождь, что не слушая нас просто льёт,
заполняя тоску предосенних полей.

Елена КОЛЕСНИКОВА (Воронеж)

2 место в номинации «Философское стихотворение»

Единственное небо

Посвящаю всем покинутым деревьям

Все предано воспоминаньям тут —
Изрыв дороги — узкий, крупновязый —
И сосен искривлённые балясы
У мостика, обрушенного в пруд.

Седых тропинок — реденький пучок
Под сваленным волоснико'м осочным —
Судьбы моей забытое источье,
Души невосполнимый уголок.

Кругом быльё — и есть ли кто живой
Среди домишек, дышащих на ладан,
Как Божий перст — для дней последних скрытан —
Чернеет храм с пробитой головой.

Осины чутко приклонили слух
Над чьей-то вытлевшей от горя крышей —
Но слышен лишь невнятный скрип налишний,
Да от иконы - тихий свя'тый дух.

Всё предано воспоминаньям тут —
Скривлённые сосновые балясы,
Просвет дороги — узкий, крупновязый
И вспыхнувший прощальным блеском пруд.

Я оглянусь — и улыбнется мне
Из пыльного оконного киота,
Вечерним солнцем - и'зголуба-жёлто
Единственное небо на земле...

* * *

*«Глас вопиющего в пустыне:
приготовьте путь Господу» (Исаия 40:3)*

Искусничая, дули стеклодеи
Свинцовисто огнящееся небо,
И отравляли ложью мукосеи
Не тело убивающие хлебы.

Писцы со рвением — набело — чернили
Начертанные кровью — святостишья,
И рассыпалось слово - блёсткой пылью,
И обжигало медленней и тише.

Горшечники ваяли спешно души
Из глины, обогрѐнной щедро смертью,
Имеющие слух — закройте уши,
И зрение имущих — разуверьте!

Исправьте путь Ему! — но нет преграды,
И кротостью — как прежде — осиянны
Крестов — золотокованные гарды -
Осанна — злу грядущему — осанна!

* * *

Сил весенних первые набеги
В прошлом, но увидит и незрячий —
Солнце — небывалое — вовеки,
Солнце из породы сверхгорячих.
Улиц отвоёванных угрюмость
Сметена самодержавьем светлым —
Это май — младенческая мудрость,
Слово первомысленное лета.
Позади — подавленные смуты
Холодов и тайных недоверий,
Как легко протачивает утро
От весны запахнутые двери,
Лучезарно, дерзко, непостыдно
Пробивает вечный лёд оконный,
Покоряет души беззащитных —
Это май, он вправе, всё законо...

Галина ЧЕРНЫШОВА (Липецк)

3 место в номинации «Философское стихотворение»

* * *

Протянет сквозняком устои лет
И думаешь: навывлет или поздно?
Застучает сердечный пистолет
За поволокой спрятанные звёзды,

Которые в туманной мгле пестрят
И дразнят ненаглядным отраженьем,
Где лунный блик — в окно бросаешь взгляд
И напрягаешь лоб и мысль, и зренье,

Пытаясь вперекор судьбе снести
И протереть, и будущему выдать
По первое число свои стихи,
Но пыль на стёклах, не подавши вида,

Лежит и затмевает далеко,
Прекрасное далёко — близоруко,
И оттого вздыхаешь глубоко
И топишь рифмы и тоску, и звуки.

Потом задышишь — мелко — невнапряг,
Угомонив сердечную попытку,
Всего лишь разглядеть на небе знак,
Несущий быту сбои да убытки.

Разбитый жаром...

Разбитый жаром день уходит,
Прощанья пыль вослед летит.
Провинциально — не по моде —
Недели ставлю на репит

И провожаю пароходы,
Где тоскованье — до звезды,
Пока слова как сумасброды,
Пока стихи собой горды.

Увы, неважно мирозданию
Песчинок уходящий рой.
Плачу я чувствам скромной данью,
Оставив осень за собой.

Где пир среди чумы тоскливой,
Закаты рдеют впопыхах,
Уходы пепельно красивых
Венчают стаи в облаках.

В стране берёзового ситца,
Где кошки вечные скребут,
Сидят в душе слова-синицы,
Не променявшие уют

На поднебесные лазури,
Налажен быт, но горячо
Маячит ввысь литературе
Белёсый ангел за плечом,

Звучит строка подобно лугу,
На все лады — не высоко.
И насекомые испуги
Уходят в травы глубоко.

Раздолье тучного заплыва,
Успеть бы в небе рассмотреть,
За птицей синего наива
Житья оставшуюся треть,

Привольных мыслей разглаголье,
Молитвы будущую власть,
Коня летящего на поле
В заката временную страсть,

Где свято место не пустует,
Не сглазит даже вороньё,
Где время попросту кукует,
И жизни спелое жнивьё.

Кочевье

Я с неписанной торбой кочую —
Не уйти от резных осенин.
Где тоску поднимаю большую
От груди до покатости спин,

На которых сутулости тягот,
И бескрылые оземь слова.
Где набат от антоновских яблок
Сносит снулого солнца глава,

Где до боли знакомая просинь
Сверлит омутным взглядом в туман,
Где кропят поэтически росы
Увядающей охры изъян.

Бродит лето за гранью офорта,
А зима чистой небылью дней,
К переменам зовущим охота
В белом приступе тех журавлей,

Что кружат, словно жизни по кругу,
Паутин пуповина летит,
Мы не названы счастьем друг другу,
Всепрощенья закат впереди.

И, карман оттопырив у тучи,
Бродит с названным ливнем мечта,
Я могла б веселее и лучше,
Но достала берёз маета,

До ветров, остужающих души,
До сестёр, чья раздача серёг
Дозволяет шептать небу в уши
Стих, что вхожий в моё бытиё.

Елена ТУРКОВЕЦ (Москва)

3 место в номинации «Философское стихотворение»

* * *

Эпоха переворотов в рядах планктона.
За дверь с золотой табличкой воюет пешка.
Открытость и честность как признак дурного тона.
Под маскою гнутся губы в кривой усмешке.

Изучены трещины кодекса и закона.
Заносится совесть в товарные накладные.
И снится всё реже желанная кожа трона.
Рабочие ночи. Рабочие выходные.

Пройдёт пара лет. Ремонт — суета мирская.
Заветную дверь украсит другое имя.
А старой табличке гравёрная мастерская
Добавит две даты и чёрточку между ними.

* * *

Тихой поступью хищного зверя
Кружат стрелки за часом час.
Мы с тобой убиваем время,
А оно убивает нас.

* * *

Нет печальней на свете повести
(Оказался не прав Шекспир)
Замолчавшей на веки совести,
Позволяющей рушить мир.

* * *

Ах, отправить бы всех, кто сейчас кричит,
По дороге, где жёлтые кирпичи,
Чтобы Гудвин дал смелость им и сердца
Полюбить свою Родину без конца.

* * *

Феерично слетает с рельс
Вагонеточка детских травм.
Чувства — тоже порой болезнь
По наследству от пап и мам.